

СВИСТОК

СОБРАНИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫХ, ЖУРНАЛЬНЫХ
И ДРУГИХ ЗАМЕТОК

САТИРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ «СОВРЕМЕННОМУ».
1859—1863

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
А. А. ЖУК и А. А. ДЕМЧЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1981

I

ВРЕДНАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

«Прочел я в газетах, что ковенские мужики перестали пить водку. Я порадовался, да и от всех простых людей, с которыми обращение имею, слышал то же: и купцы, и мещане, и ремесленники, все, кто о ковенских мужиках сам в газетах читал или от других слышал, все в один голос твердили: «Хорошо, хорошо; дай бог, чтобы остались в своей доброй мысли». Я так и полагал, что иначе судить об этом деле нельзя. Что же вы думаете? Вот какое дело со мною было.

Случился у нас в городе небольшой подряд: перекрыть кровлю на присутственных местах. Я этим ремеслом промышляю. Пришел поторговаться. «Человек неважный, — сказали мне, — а вот подождите, батюшка, часок, другой; кончим свои дела, переговорим и с вами». Отчего не подождать; обошлись со мной, однако, очень деликатно, велели даже подать стул: видно, что люди образованные, да и порядки ныне начинают переменяться. Я присел. Они подписывают бумаги да между собой разговор ведут. Чего я тут не наслушался! — и все очень хорошо рассуждают. Надобно злоупотребления искоренять (и точно — подряд потом мне отдали, ни копейкой сами не попользовавшись); гласность необходима; железных дорог надобно побольше проводить; об освобождении крестьян очень много хорошего говорили. О своих городских делах рассуждали тоже очень хорошо. Все так; но подвернись им на грех под язык ковенские крестьяне, тут мне как-то страшно стало их слушать: «Это, — говорят, — вопрос очень щекотливый. Пьянство наш народ разоряет, — спору нет, — говорят, — но тут не о пьянстве дело идет; тут надобно принимать в соображение государственный интерес. Откупов одобрять нельзя, но ведь тут и не в откупе дело: пусть его заменят казенным акцизом. Но что же будет, если в самом деле народ перестанет пить водку? Ведь винная регалия составляет самую главную часть государственного дохода. Государство пострадает, если потребление водки умень-

шится; притом уж не новая ли секта это какая? Как можно допустить, чтобы мужик сам собою бросил пить вино? — тут надобно предполагать какое-нибудь наущение. Это фанатизм».

Что вы думаете? нашелся из членов даже такой один, что стал говорить: «Этого нельзя позволить, против этого надобно меры принять; надобно отыскать виновных и наказать, чтобы не заводили сект».

С этим не согласились другие. «Вы, — говорят, — односторонним образом смотрите на дело. Если бы только секта, это бы еще ничего. Но государственные доходы уменьшаются, — это другое дело. Вот именно с этой стороны и надобно принять меры. Думать они пусть думают, как хотят, но чтобы вреда государству от этого не было. Меры принять надобно, это так. Только не против сектантов меры надобно принять, а против тех, которые целыми селами и уездами отказываются от употребления водки, будь они сектанты или не сектанты — все равно».

Я, присмотревшись к членам и увидев, что они люди снисходительные, даже с простым человеком грубо не обходятся и все так гуманно рассуждают, осмелился в их разговор свое слово вставить: надеялся, что не примут в обиду. «Как же, — говорю, — меры будут принимать? не зазорно ли будет насильно людям водку в рот лить? Кабы дурное что они делали, можно власть употребить. А то за непитие наказывать — можно ли это?»

Точно — не обиделись. Ласково мои слова приняли, однако не согласились.

«Вы, — говорят, — совершенно ошибаетесь. Мы никак не полагаем, чтобы именно за непитие, по вашим словам, наказывать. Наказание не за то должно быть, а за беспорядки. Этого не может быть, чтобы нельзя было тут беспорядков найти»³.

«Как же, — говорю я, — вы беспорядки найдете? Беспорядки больше в хмелю делаются. Без пьянства смертоубийств не будет, потому что драки в хмелю происходят. Когда пьяниц не будет, ни воров, ни грабителей не будет».

«Это вы опять не то говорите, — отвечают мне. — Вы говорите о преступлениях, а мы говорим о беспорядках. Преступления уголовная палата судит; ей точно дела меньше будет. А беспорядков нечего до уголовного суда доводить. За беспорядками должна полицейская власть смотреть. Она сама с ними управится. Зачем уголовное наказание? Исправник отечески накажет — и того довольно».

«Да за что же он накажет?» — я спрашиваю.

«Как за что? за беспорядки, вам говорят».

«Да за какие же беспорядки?» — я все-таки пристаю.

«Как за какие? за всякие, — говорят, — это уж его дело беспорядки открыть. Земская полиция всегда может беспорядки открыть, если захочет. Вот, например, недоимку найди хоть маленькую — и взыскивай. Опять посмотри: дороги исправны ли — и тоже взыщи. Да мало ли каких случаев в уезде бывает? Цаловальник пожалуется, что его обижают, житья ему не дают, — исследуй и взыщи. Неповиновение властям открой. Собери мужиков, да тут же при них, кто побойчее, стало быть непокорнее, — и накажи, чтобы беспорядков не было».

«Вот, господа,— говорю я,— как вы умно да доброжелательно обо всем другом говорили. А теперь — где же у вас справедливость? Можно ли так рассуждать, чтобы беспорядки находить, где их вовсе и нет?»

«Позвольте, батюшка! — они мне говорят. — Вы этого дела не понимаете. Как же возможно государству своего главного дохода лишиться? Этому быть нельзя. Что же будет, если откуп лопнет? Ведь это казне убыток. Мы о том собственно и говорим. Государство не может потерпеть, чтобы невежественный фанатизм отнимал у него доходы».

Так я с ними и сговориться не мог. Разумеется, и противоречить-то сильно я не осмеливался, чтобы их не рассердить: ведь у меня до них дело было. Пожалуй, и подряда бы мне не отдали.

Неужели в самом деле образованные люди могут таких вещей не понимать, которые и нам известны, хоть мы на медные гроши учились? Какое же тут может быть обеднение государству, когда народ в уезде или в целой губернии перестает пить вино, от которого разорялся? Разве от бедности мужиков казна может богатеть? Помещик хороший, и тот знает, что с разоренного поместья немного возьмешь; и тот заботится, чтобы у него мужики были зажиточнее, потому что он сам через это богаче будет. Умный помещик в наших губерниях ни за какие деньги не соглашался, чтобы у него в селе кабаки поставили. А если от села больше доходов бывает, когда в нем кабака нет, стало быть и с уезда доходов больше будет, и с губернии тоже, если в уезде или в целой губернии перестанут пить вино. Целая губерния хочет отстать от вина — дай бог, чтобы так и было; дай бог, чтоб и другие губернии по ее примеру пошли. По-нашему так.

Говорил я потом об этом еще не раз с разными образованными господами. Есть такие, что тоже по-нашему говорят, а другие то же гнут, что я от членов слышал в присутствии. Неужели по-господскому, по-образованному не то выходит, что по-нашему?

Отчего это в журналах о ковенском деле мало пишут? ⁴ Хоть бы они нам сказали, как с теми образованными господами сговорить, которые пустое об этом деле толкуют? Что они пустое толкуют, это и простому человеку видно, а как им растолковать, что государству от ковенских мужиков убытка не будет, — вот этого-то растолковать им и не умеешь».

Мы получили это письмо с подписью «Тихвинский купеческий сын Бадейкин».

Оно обязывает нас сказать несколько слов.

Мы до сих пор молчали о ковенском деле, потому что не получали о нем рассказов более подробных, нежели какие помещены были в газетах. Объяснять же самый факт мы считали ненужным. Мы, признаемся, и не предполагали, чтобы кому-нибудь нужно было объяснение: хорошо ли сделали ковенские поселяне, перестав пить водку, и выгодно ли для государства их намерение. Нам казалось, что никому и в голову не может придти сомнение об этом. Мы думаем, что молчание других журналов объясняется тем же мнением. Письмо г. Бадейкина разрушает его. Оно открывает перед нами факт невероятный: люди, называющиеся просвещенными, рассуждающие о железных дорогах, об освобождении крестьян, об искоренении злоупотреблений и даже не берущие взятку с подрядчика, и даже предлагающие купцу, как

видно, очень небогатому, стул в комнате присутствия, — эти люди, усвоившие себе лоск образованности, даже форму гуманности, не совестятся иметь те страшные мысли, те гнусные понятия, которые записаны их простодушным слушателем! Да и то сказать: как им совеститься подобных мыслей? Они очевидно ничего не смыслят в делах, о которых рассуждают. С чужого голоса они могут говорить о пользе железных дорог, о необходимости освобождения крестьян — ведь об этом ныне и глухой слышит на каждом шагу. Но ясно, что их голова осталась неразвита, что все в этой голове, кроме навеянного ветром, все дико и тупо. Они могут быть прекрасные люди по сердцу, но они дурно воспитаны, они слишком мало учились.

Неужели в самом деле надобно оправдывать ковенских мужиков? Неужели надобно доказывать, что они имеют полное право не пить водку? Неужели надобно доказывать, что этим геройским решением, до которого мог довести их только слишком тяжелый опыт, они приносят пользу государству и честь русской нации перед Европой?

Мы не враги употребления водки простым народом, мы думаем, что умеренное употребление ее даже полезно в наших климатах; но надобно знать, кто пьет, как пьет, почему пьет и что пьет?

Если зажиточный мужик, имеющий теплую избу, теплую одежду, сытный стол и несколько лишних рублей в кармане, выпивает каждый день перед обедом по стакану водки — с богом: ему это здорово, и пьет он на деньги, которыми имеет право располагать. За этот стакан не могут упрекнуть его жена и дети. Но таков ли ковенский мужик и таков ли не только ковенский, но и какой бы то ни было мужик? Где у него лишние деньги? Остается ли у него хоть одна копейка, отчета в растрате которой не должна была бы потребовать у него семья, живущая в плохой избенке, едва прикрытая рубищем, подобно ему, питающаяся, подобно ему, по выражению г. Шевырева, «скудную и неудобоваримую пищу».⁵ Бедняк делает дурно, когда тратит деньги на что-нибудь, кроме улучшения быта своей семьи.

И как он пьет! Разве так, как мы с вами, читатель, столовое вино? Нет, он пьет, когда дорвется к вину, до бесчувствия. Питье водки у бедняка всегда бывает пьянством.

И почему он покупает водку? и какую водку продают ему? об этом нечего и говорить.

Или в самом деле надобно доказывать, что никому, кроме идиота, не может прийти в голову видеть сектанство в том, когда разоренные бедняки видели необходимость исправиться от порока, их разорившего? Или надобно говорить о том, выигрывает ли государство или, пожалуй, казна, когда бедняк отказывается от единственного наслаждения, чтобы поправить свои дела? Разве трудно рассудить, что каждый рубль, который получается от водки, разоряющей народ, — что каждый такой рубль отзывается десятью рублями недочета в других податях и сборах? В России больше населения, нежели в Англии и Франции, взятых вместе; пространство плодородной и населенной земли, служащей главным источником богатства, по крайней мере в пять раз больше. Получает ли русская казна хотя две трети того дохода, какой получает одна французская или одна английская? Нет, и того далеко не получает. Отчего же это? Как отчего? Много ли вы возьмете с бедного наро-

да? А в чем одна из главных причин бедности народа? В водке. Кажется, расчет ясен? Пусть водка доставит вдвое меньше дохода; зато мы отпустим за границу вдвое больше товаров, потому что меньше их пропьем и больше наработаем. Взамен за эти товары мы купим вдвое больше заграничных, и одна прибыль в таможенных пошлинах — с двойным, с тройным избытком покроет недочет винного сбора; и кроме того в податях будет меньше недоимок, промышленные сборы станут давать гораздо больше прежнего и, стало быть, если уже думать о государственных доходах, то надобно благодарить ковенских мужиков за то, что они приняли решение, от которого надобно ожидать такого же поправления нашему бюджету, как и их домашнему хозяйству.

Но боже мой! Какая сила самоотвержения нужна была этим беднякам, чтобы отказаться от чарки водки, этой единственной, губельной, разорительной, но единственной отрады в их несчастной жизни! Вот уж почти целый век образованный мир на всех языках превозносит силу самоотвержения североамериканцев, отказавшихся от употребления чаю⁶. Но что за важность отказаться от чаю зажиточному человеку? Разве не заменит он двадцатью другими приятностями приятность пить чай? И разве чай был ему забвением, единственным забвением от невыносимо тяжелой жизни, исполненной обид и лишений? Но бедняку мужику отказаться от чарки водки!.. Это геройство — другого имени нет для такой решимости!
